

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ДНЕВНИК ДЖОНА КЭСТЛЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ КАЗАХОВ

П. Е. МАТВИЕВСКИЙ

Не обращавший на себя более полутора веков внимания исследователей Дневник англичанина Джона Кэстля¹ представляет значительный интерес, хотя и принадлежит к категории источников, по своему содержанию прямо или косвенно пристрастных. Собственно говоря, таков характер большинства нарративных источников, требующих поэтому самой строгой критики. Это тем более относится к иностранным источникам, авторы которых нередко на расстоянии и наскоро наблюдают жизнь того или иного народа, следовательно, вольно или невольно искажают историю этого народа.

Критическое осмысление исторического источника и верная оценка событий и явлений, содержащихся в нем, невозможны без постановки его «в определенные исторические рамки»².

¹ Journal (при ссылках — Journal) von der Ao 1736 aus Orenburg zu dem Abul-Geier Chan der Kirgis-Kaysack Tartarischen Horda aus freyem Willen und bloß zu dem Besten des Russischen Reiches unternommenen nöthigen und zwar gefährlichen doch glücklich vollbrachten Reise dargestellt durch John Castle einen Engländer und gewesenen Kunstmalr bei der Orenburgischen Expedition», опубликованный в виде приложения к «Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen». Zweiter Teil, 1730—1741. Riga, 1784. «Материалы» (при ссылках — «Materialien»), изданные И. Ф. Гарткнохом с предисловием Д. Х. Шмидта и заключающие в себе сведения о царствовании Анны Ивановны и Ивана III (Антоновича) с объяснительным указателем, составляют 608 стр. Текст Дневника Кэстля 144 стр., кроме 50 стр. указателя к нему и 13 гравированных иллюстраций. В русском переводе: «Дневник путешествия, предпринятого по доброй воле и только для блага Русского государства в 1736 г. из Оренбурга к Абул-Хаир хану Киргиз-Кайсацкой Татарской орды, в высшей степени необходимого и хотя опасного, однако, благополучно оконченного, изложенный Джоном Кэстлем, англичанином и бывшим живописцем при Оренбургской экспедиции».

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 373.

* * *

Англичанин Джон Кэстль — участник «Известной» или «Оренбургской экспедиции», организованной под руководством И. К. Кирилова русским правительством в мае 1734 г. в связи с оформлением и укреплением добровольного подданства казахов³. Кэстль жил и действовал в ту пору, когда между капиталистическими странами европейского Запада разгоралась борьба за колонии, за «территориальный раздел мира», и в этой борьбе Англия играла доминирующую роль⁴.

Подавляя и вытесняя своих соперников на континенте, за морями и океанами, Англия не теряла из вида и России, возросшая мощь которой в первой четверти XVIII в., как известно, тревожила английскую буржуазию. Ее давнее стремление превратить Россию в зависимую страну, могущую соединить Англию прямым и ближайшим

³ Издателям Дневника Кэстля было известно, что 10 (20) февраля 1734 г. в 2 часа дня «имело аудиенцию у императрицы посольство могущественнейшего хана казахов и просило, чтобы Россия взяла их нацию под свою защиту» («Materialien», ч. II, стр. 130). Имеется в виду посольство хана Младшего казахского жуза (орды) Абулхаира, которое возглавлял его сын султан Эралы.

⁴ Процесс борьбы за «хозяйственную территорию», в том числе и в России, В. И. Ленин датирует XVI—XVIII вв. (см. В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 139). Отзвуком этой борьбы за освоение окраин России могут служить весьма любопытные воззрения И. К. Кирилова, хорошо осведомленного в современных ему международных событиях. Целесообразность экономического освоения окраин России (Башкирии, Казахстана) и подчинения среднеазиатских стран он мотивировал примером европейских государств, рекомендуя не взирая на «все трудности и дальности», а поступать так настойчиво и смело, как поступали испанцы, овладевшие Америкой постепенно, не страшась, или как действовали голландцы, подчинявшие «не без убытков и страха» земли и народы «для своего интереса в Ост-Индии» (I ПСЗ, т. IX, № 6571, стр. 314, 316).

транзитным путем с азиатским миром и Индией, особенно проявляется в XVIII в., бывшем для всей Европы «веком торговли»⁵. Торговая экспансия английского купечества явственнее, чем прежде, переплетается с агрессивными устремлениями Британской империи «Торговля отныне приобретает политическое значение»⁶. Реляции русского посла в Лондоне Антиоха Кантемира не оставляют никаких сомнений на этот счет. В 1732 г. там составлялись и предлагались для России проекты «об изыскании корабельного ходу от Архангельского города... в Японию, Китай, Индию и в Америку»⁷. Со своей стороны, английская фактория в Петербурге, представлявшая интересы британского купечества из «Русской торговой компании» («Russian trade company»), в начале 1733 г. хлопочет перед королем об установлении транзитного торгового с Персией, о необходимости заключения торгового трактата с Россией⁸.

Россия не была и не могла быть в это время изолированной страной. Участвуя в войне за польский престол, правительство Анны Ивановны уступает Персии завоеванные при Петре I прикаспийские земли, ведет войну с Турцией (1735—1739), решает «киргиз-кайсацкие дела» и заключает, наконец, в 1734 г. с Англией такой торговый договор, который, по признанию Английской торговой палаты, «содержал больше привилегий для английской торговли, чем почти все остальные британские торговые договоры»⁹.

Все это осуществлялось при самом напряженном положении в стране, вызванном антинациональной политикой царского двора, «бироновщиной», засильем иноземцев, оппозиционностью по отношению к правительству передовых общественных сил, классовой борьбой народных низов против крепостников, а также восстанием башкир против колониального освоения окраин.

При таком стечении исторических обстоятельств на поверхность государственной и общественной жизни легко было всплыть всяким личностям, искавшим возможностей для возвышения и карьеры.

В обширный состав Оренбургской экспедиции (95 человек) были включены люди и высокой и весьма сомнительной учености и квалификации¹⁰. В числе немногих иност-

ранцев находился и англичанин Джон Кэстль, приглашенный начальником экспедиции И. К. Кириловым в качестве живописца¹¹.

Джон Кэстль, несомненно, любознательный человек, но невысокой квалификации живописец и вовсе не подготовленный для этнографических наблюдений иностранец. Он принадлежал к той плеяде своих соотечественников, у которых колонизаторские устремления сочетались с честолюбием и, прежде всего, с жадной наживы. Поприщем для подобной деятельности им представлялась и Россия, заключившая, как сказано выше, в 1734 г. крайне невыгодный для себя англо-русский торговый договор¹².

Английские купцы и их агенты устремились в Россию и развили довольно подозрительную активность на юго-восточных окраинах страны в надежде проникнуть в среднеазиатские государства, в Индию. К числу англичан, пускавшихся порой в далекие и рискованные странствия ради обогащения, предпринимательских и политических разведок, относился, по-видимому, и Джон Кэстль. Находясь на русской службе в качестве живописца, он вместе с тем служил интересам британского купечества и русских меркантилистов и администраторов. Для тех и других строительство нового города на р. Ори (Оренбурга), через который, как думал Кэстль, может проходить ближайший путь в Индию¹³, открывало заманчивые перспективы.

в экспедицию М. В. Ломоносов (см. Н. Модестов. Основание Оренбурга. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XXXV, стр. 60). На Оренбургскую экспедицию Кабинет министров ассигновал 15 092 червонных и 88 564 руб. (см. В. Строев. Бироновщина и Кабинет министров. СПб., 1910, ч. II, вып. I, стр. 64).

¹¹ В своем «Прошении» к императрице 5 февраля 1737 г. Кэстль объяснял, что он, принятый на службу Кириловым в Москве в 1734 г., должен был все то, что «на Оренбургской экспедиции курioзных и протчих вещей сыскано будет по приказу для ведома е. и. в. изобразить красками» (ЦГИАЛ, ф. 1329, кн. 89, л. 150).

¹² По договору английские купцы получили неограниченное право на свободный транзит своих товаров через Россию в Персию и персидских в Англию с платежом проезжей пошлины в размере 3% с ценности товаров. Отныне во внешней торговле России англичане занимали первое место. Они посещали все русские гавани, половина оборота русской торговли была в их руках. Из России вывозилось англичанами две трети всей экспортировавшейся за границу пеньки, более половины кож и льна, более трех четвертей полотен и железа, весь поташ, большая часть ревеня, рыбного клея, шетины, воска, сала, меди и пр. (см. П. А. Остроухов. Англо-русский торговый договор 1734 г., СПб., 1914, стр. 42 и др.).

¹³ Реальность этого пути, по соображениям Кэстля, невозможна была без занятия Россией Аральского моря. Через реки Сыр

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 49.

⁶ Там же, стр. 47.

⁷ В. Н. Александренко. Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732—1733 гг.), т. I М., 1892, стр. 62—63.

⁸ Сб. РИО, т. 76, стр. 78 и др.

⁹ С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя политика России, М., 1947, стр. 101.

¹⁰ По своим универсальным задачам это была единственная экспедиция в первой половине XVIII в. (см. В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв., М.—Л., 1940, стр. 70—72; А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России, Оренбург, 1900, т. I, стр. 82—84). Со студентами Славяно-греко-латинской академии соби-рался ехать

Деятели Оренбургской экспедиции и правители Младшего казахского жуза представляли себе Кэстля как дельного и расторопного англичанина, способного выполнять даже дипломатические поручения. Хан Абулхаир предлагал Кэстлю совершить поездку в Бухару, полагая, что он может «более ловко представить интересы Российского государства и его самого»¹⁴. На том же основании И. К. Кирилов, находясь в Самаре, побуждал Кэстля через бухгалтера экспедиции П. И. Рычкова ехать в качестве русского посла с индийским купцом Маравием¹⁵. Кэстлю было обещано 800 руб.

и Аму, впадающие в него и простирающиеся через всю Бухару, лежит ближайшая дорога в Индию из Оренбурга, расстояние от которого не превышает 14 дней пути. Кэстль при этом уверял, что освоение Аральского моря не встретит никакого сопротивления, так как бухарцы и все окрестные народности «ничего не знают ни о пушках, ни о судостроении». Таким образом, Аральское море, у берегов которого должно быть достаточно дубового леса для строительства и ремонта судов, могло бы превратиться в плацдарм для проникновения в Индию и для приведения в подданство прилегающих к нему стран «с их сокровищами» (*Journal*, стр. 78—79). Подобные мысли об Оренбурге, Аральском море и о богатых землях, которые следовало бы «до самой Персии и Индии в Российскую державу подобрать», не раз высказывал до Кэстля русский меркантилист И. К. Кирилов в своих «Представлениях» (см. А. И. Добросмыслов. Указ. соч., т. I, стр. 18).

¹⁴ *Journal*, стр. 41.

¹⁵ Речь идет об индийском купце Маравии Бараеве, которого Кирилов выписал в 1735 г. из Астрахани в Уфу. От него он получил некоторые географические сведения об Инде и самой Индии (Архив ЛОИИ АН СССР, собр. Воронцовых, № 438/247, л. 153 об.). По прибытии к Кирилову 25 февраля 1735 г. Маравий рассказал, что столицей его земли является город Дели, от которого отходят в разные направления четыре дороги, одна из них ведет в Персию через Кандагар до Гилана, а оттуда Каспийским морем до Астрахани. Количество индийских купцов, торговавших «раньше» с Россией, достигало 200, а когда «учинилось с Персией несогласие и проезд стал от разбойников трудной» (нападали казахи, каракалпаки, туркмены), их выезжает до 80 человек. Если бы проезд в Россию через Бухару был свободен, то число индийских купцов, желающих торговать с Россией, достигло бы 600. Получив далее обстоятельные сведения об «Индийской земле» и о товарах, которые из Индии «хаживали в Россию» и обратно, Кирилов распорядился выдавать Маравию с 25 февраля по 1 мая «кормовых денег» по две гривны на каждый день (ГАОО, ф. I, д. 2, лл. 66—67 об.). 8 февраля 1736 г. правительство рекомендовало Кирилову отправить Маравия через Бухару в Индию с целью побудить соотечественников к развитию торговли с Россией в новом направлении, дав ему копию с

в год жалованья с гарантией возместить расходы по поездке к Абулханру в сумме 500 руб. Переговоры Кирилова с Кэстлем ни к чему не привели, хотя «при нужде в деньгах», как пишет Кэстль, это предложение и могло быть приемлемым. Но назначенная сумма не устраивала его и он от предложения «вежливо отказался»¹⁶.

Внимательно изучая Дневник и бумаги, прилагаемые к нему, можно безошибочно сказать, что Кэстль — не проходимец, не аферист. Это скорее всего обедневший на родине человек, пытавшийся найти счастье на чужбине доступными ему средствами.

* * *

Оренбургская экспедиция вместе с находившимся в Петербурге посольством казахского хана Абулхаира отправилась 15 июня 1734 г. «в земли и народы азиатские», как говорилось в указе, и прибыла в Уфу 10 ноября. После длительных приготовлений Кирилов двинулся к месту назначения и 6 августа 1735 г. достиг реки Ори, где и заложил 12 августа «у устья Орского над Янком» город Оренбург (ныне Орск) с девятью бастионами. Затем он отправил посольство Абулхаира с подарками императрицы в степь, а сам поспешил с войсками на усмирение повсеместно восставших башкир¹⁷.

В новом городе был оставлен небольшой гарнизон войск, строители крепости и на положении аманата султан Эралы с несколькими казахскими старшинами. В числе оставшихся в городе был и живописец Джон Кэстль. Что делал иностранец в течение двух лет (с 15 июня 1734 г. по 15 июня 1736 г.) точно неизвестно¹⁸.

Дневник Кэстля начинается рассказом о том, что 14 июня 1736 г. с письмом от хана Абулхаира и батыра Джаныбека (*Jambek*)¹⁹

привилегии на торговлю в Оренбурге и взаимнообразно (до возвращения) до тысячи рублей на покупку товаров (I ПСЗ, т. IX, № 6889, стр. 740).

¹⁶ *Journal*, стр. 101—102.

¹⁷ Из «Экстракта» указов, составленного в 1741 г., видно, что грамоты иностранной коллегии для ханов Абулхаира, Жолбарса и Шемяки не были отправлены в степь. Предполагалось вручить их «при свидании», но по случаю башкирского «замешания» Кирилов свидания иметь «не улучил» и грамоты не были вручены (ГАОО, ф. 2, д. 9, лл. 1—2).

¹⁸ Все карандашные и акварельные зарисовки, использованные П. И. Рычковым в «Известии о начале и о состоянии Оренбургской комиссии», хранящиеся в рукописном отделении Государственной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, принадлежат, несомненно, Кэстлю, делавшему их в указанное время (см. П. Е. Матвеевский. К истории изучения географии и производительных сил Оренбургского края по рукописям и документам XVIII в., «Известия Чкаловского отделения Географического общества Союза ССР», вып. 2, 1948, стр. 76).

прибыли в Оренбург два посланца с адъютантами к коменданту города Я. Ф. Чемодурову. Они должны были осведомиться не столько о судьбе города, возможно разрушенного восставшими башкирами, как допускать в степи, сколько об участии ханского сына султана Эралы. Вместе с тем посланцы якобы обязаны были просить прибытия русского посла к хану для срочного обсуждения русско-казахских дел.

Коменданту, находившемуся в постоянной тревоге в связи с башкирским восстанием и занятому строительством крепости, было не до пересылок. Он поручил прием послов и ведение с ними переговоров Джону Кэстлю, хорошо знавшему султана Эралы и будто бы дружившему с ним на протяжении года. В тот же день, 14 июня, Кэстль пригласил к себе ханских послов, султана Эралы со старшинами, жившими при нем, и бухарского ахуна Мансура²⁰. Всем им Кэстль не преминул оказать особую «вежливость», чтобы угощениями и подарками еще больше расположить их к себе. Посланцы хана сообщили Кэстлю, что среди казахов якобы «по подстрекательству Оттоманской Порты»²¹ имеется 40 тыс. недовольных, готовых соединиться «с башкирским мятежником Килмяком»²²

¹⁹ По русским документам XVIII в. Джаныбек — виднейший батыр, позднее тархан Среднего жуза Аргынского рода (см. Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, Алма-Ата, 1948, стр. 226), но всегда жившего при Абулхаире в Младшем жузе (см. А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 2, СПб., 1832, стр. 189). Джаныбек, по характеристике П. И. Рычкова, больше всего ценил экономическое значение подданства казахов России. При первом знакомстве казахской знати с новым правителем края И. И. Неплюевым 23 августа 1742 г. Джаныбек с восхищением говорил: «У кого кафтана не было, у того стало два, а у кого один был, у того ныне три и более, также де и всякую свою потребу получают, чего им нигде сыскать невозможно» (ГАОО, ф. 2, «Журнал переговоров И. И. Неплюева с Абулхаиром и Джаныбеком при Орской крепости, 1742», д. 12, л. 46 об.).

²⁰ Мансур Абдрахманов — сторонник царского правительства, не только ахун, но учитель и переводчик султана Эралы в Оренбурге (см. Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 гг., М.—Л., 1950, стр. 107).

²¹ В нашем распоряжении нет документальных данных о «подстрекательствах Оттоманской Порты» в Младшем жузе в 1735—1736 гг. Возможно, Кэстль выдал желаемое за действительное, чтобы основательнее оправдать и легализовать свое желание совершить поездку в степь. Вместе с тем следует учесть, что в момент русско-турецкой войны (1735—1739) возможны были провокации турецких эмиссаров, разжигавших среди недовольной подданством России казахской и башкирской старшинской знати антирусские настроения. Так, 30 декабря 1737 г. приказывалось из Петербурга разведать «секретно о имевших ту-

и идти на военные силы Ивача Кирилова с тем, чтобы, разбив их, «совершенно опустошить затем страну до Уфы и Казани, а сам Оренбург принудить к сдаче голодом». В такой обстановке, казалось, прибытие русского посла в Младший жуз помогло бы Абулхаиру «усмирить своих диких людей». Вместе с тем посланцы хана якобы заявили, что их возвращение без русского посла явится предложением для соединения недовольных с Килмяком и на них самих «будут смотреть как на обманщиков и за это их убьют»²³.

Неожиданное и кажущееся опасным известие не возбудило, впрочем, «ни малейшего беспокойства» в Оренбурге. Комендант вовсе не хотел отправлять посла. Кэстль же решил совершить путешествие с той целью, чтобы «предупредить, как пишет он, большое несчастье и отворотить вред и убыток государству».

Ходатайство о дозволении Кэстлю совершить путешествие к хану Абулхаиру взял на себя султан Эралы. Получив согласие коменданта, султан написал письмо с аттестацией англичанина как человека, которому хан «может верить во всем и вполне на него положиться». Кэстль, оставив свои вещи в Оренбурге у хирурга Пензенского полка Родэ с просьбой доставить их отцу в случае невозвращения или гибели, на-

рекиных послах у киргисцов» (ГАОО, ф. 2, д. 9, л. 42). Из Уфимской провинции в 1739 г. сообщалось о бывшем у одного башкира «шпионе турецком», который, возможно, не сделав ничего важного, «пошел по-прежнему к туркам» (см. сб. РИО, т. 130, стр. 652). Рецидивом антирусских настроений позднее было поведение послов Абулхаира в Петербурге Кутыри и Байбека, явившихся в 1741 г. к турецкому послу с заявлением о том, что они желают быть «со всею ордою в подданстве султана турецкого» (ГАОО, ф. 2, д. 10, «Указы...», л. 35об.).

²² Килмяк Нурушев — башкирский абыз и старшина Юрматынской волости Ногайской дороги, зачинатель и главный вождь башкирского восстания 1735—1737 гг. (см. Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 34 и др.).

²³ Новейшие источники и литература указывают на связь башкир с казахами, особенно во время восстания 1737—1739 гг. Башкиры действительно посылали своих представителей «искать себе хана» у казахов (см. «Материалы по истории Башкирской АССР», М.—Л., 1936, ч. I, стр. 309, 317, 335 и др.). Однако казахи, как утверждает исследователь, «относились очень осторожно к таким посольствам. Они либо давали уклончивый ответ, либо отказывали в просьбе» (см. Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 58—59). Возможно, с подобными просьбами башкиры обращались и в 1735—1736 гг., но результат был, по-видимому, самый отрицательный. Кирилов 22 февраля 1737 г. доносил императрице, что в ответ на «приход» башкир он так настраивал казахов и так их поощрял, что они «немало им [башкирам] наделали» (см. там же, стр. 42).

правился в степь. Его спутниками и переводчиками были четырнадцатилетний немецкий ученик Дитрих Люфтус и слуга полковника А. И. Тевкелева²⁴ татарин Кульбай, с трудом склоненный к этому путешествию²⁵. Вместе с Кэстлем возвращались из Оренбурга в степь посланцы Абулхаира и Джаныбека. Послом хана был активный сторонник добровольного подданства России Байбек Ауглук²⁶. Все вместе ехали степью два дня. 16 июня посол Джаныбека мулла Асан оставил путешественников и направился в Средний жуз.

Джон Кэстль находился при ханской ставке с 19 июня по 5 июля. За это время он настойчиво стремился расположить к себе казахов: соблюдал их обычаи и выражал уважение к представителям знати²⁷. Отношения, возможно, складывались так, что казахи, как пишет Кэстль, «полюбили» его. Подвизавшегося в степи в качестве «русского посла» англичанина — художника и лекаря — многие казахи принимали за волшебника.

В обратный путь на расстояние 2—5 верст русского посла провожали по обычаю хан Абулхаир, брат и старший сын его со знатными старшинами. До Уфы Кэстля сопровождала целая свита из 20 представителей знати трех жузов. Достигнув истоков р. Ори, Кэстль простился со своими переводчиками, отправив их с письмом и подарками к коменданту в Оренбург. Сам же с оставшимися казахами начал пробираться к р. Яику, чтобы затем направиться в Уфу к начальнику экспедиции Кирилову.

Новый путь не обещал послу и его спутникам никаких радостей. Уже вечером 5 июля до них дошел слух, что будто бы сын башкирского старшины Алдара²⁸ Ми-

²⁴ А. И. Тевкелев (Кутлу Мухаммед Мемешев) — старший переводчик по секретным делам со времени Петра I, глава русского посольства к хану Абулхаиру в 1731—1732 гг., активный сотрудник Оренбургской экспедиции (подробнее о нем см. «Ученые записки Чкаловского пединститута», вып. I, 1948, стр. 77—79).

²⁵ Кэстль общался с Люфтусом по-немецки, Люфтус с татаринцом Кульбаем по-русски; последний говорил на понятном для казахов татарском языке.

²⁶ Это был ханский служитель, очевидно, наиболее подготовленный к дипломатической деятельности. Он всячески содействовал русскому послу в Младшем жузе А. И. Тевкелеву в 1731—1732 гг., когда тот находился в весьма стесненном положении (АВПР, «Киргиз-кайсацкие дела», 1733 г. «Журнал... Мамета Тевкелева», лл. 70—71, 84).

²⁷ Он не выразил раздражения даже тогда, когда двенадцатилетний сын хана нечаянно спустил курок пистолета Кэстля, лежавшего под ковром, и выстрелом ранил пасшуюся в двухстах шагах лошадь.

²⁸ Алдар Исекеев — башкирский гархан и старшина Бурзянской волости, главный вождь башкирского восстания 1705—1711 гг. (см. А. И. Чулошников. Восстание 1755 г. в Башкирии, М.—Л., 1940, стр. 12). Он сохранил верность рус-

зер (Miserr) отправлен мятежником Килмяком с двумя тысячами башкир на соединение с казахами. В дороге Кэстль со спутниками перенесли немало трудностей и лишений. По мере приближения к Башкирии они не раз сталкивались с вооруженными повстанцами²⁹. 17 июля путешественники достигли г. Сакмарска. Здесь атаман Веревкин, как и прибывший туда с провиантом из Яицкого городка капитан Рагузин, не дали Кэстлю конвоя для дальнейшего следования «послов от трех орд». Оба они ссылались на отсутствие приказа Кирилова, на грозящую со стороны восставших башкир опасность. Через два дня, оставив Сакмарск, путешественники подошли к крепости у устья р. Ик, где при содействии капитана Пензенского полка Гаврина Кэстль смог дважды известить Кирилова о своем местопребывании. В ответ Кирилов предложил Кэстлю как можно скорее прибыть в Уфу под прикрытием посланных им «верных» башкир. В течение одного дня, 5 августа, Кэстль, переодетый татаринцом, проехал на нанятых лошадях 106 верст и со своими спутниками явился к Кирилову³⁰.

Предпринятое Кэстлем путешествие к хану Абулхаиру и его результаты весьма обрадовали начальника экспедиции.

Спустя несколько дней Кэстль снова отправился со своими спутниками-казахами в Оренбург. Здесь он вторично встретился с гонцами от Абулхаира и Джаныбека, резко выразившими свое неудовольствие по поводу положения султана-аманата Эралы, не имевшего достаточно продовольствия и долго не получавшего положенных ему денег. Несправедливо обвиненный в этом Кэстль заверил представителей хана, что настоящие виновники не останутся без наказания со стороны Кирилова. Встреча с казахами, число которых вместе с «ташкентскими послами» превосходило 40 человек, закончилась угощением, сопровождавшимся музыкой. Приглашенные на пиршество комендант и другие офицеры почему-то не явились; русскую администрацию и на этот раз представлял один Кэстль.

10 сентября, выполняя распоряжение Кирилова, Кэстль вместе с комендантом Чермодуровым и другими офицерами отправились с командой в 120 человек из Оренбурга на шести связанных в три пары стругах по Яику в Яицкий городок, чтобы оттуда следовать в Самару и Симбирск. В пути по этим безлюдным и пустынным местам Кэстль делает зарисовки, записывает в Дневнике характерные эпизоды из скому правительству и способствовал присоединению казахов к России в 30-х годах XVIII в. (см. Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 52).

²⁹ Однажды путешественники взяли в плен выпустившего в них 30 стрел башкира, но вскоре отпустили его в связи с нехваткой продовольствия. Намеревались возвратиться в степь из-за отсутствия продовольствия и сопровождавшие Кэстля казахи. В одном случае Кэстлю пришлось за добрить их своей последней шелковой рубашкой.

³⁰ В рапорте своему начальнику Кэстль

охоты, рыбной ловли спутников, делает заметки о встречаемых кое-где населенных пунктах, о беглых крестьянах-раскольниках, занимавшихся вблизи р. Сакмары огородинчеством, о рыбопромышленниках, следовавших в Оренбург, об Илецкой соли, о меловых горах, о расположении Яицкого городка, куда команда прибыла 25 сентября, о занятиях его жителей.

Через четыре дня предстоял новый путь. Кэстль и посланец Абулхаира Байбек Ауглук, прискакавший 29 сентября вместе с возвратившимся из Джунгарии по поручению А. И. Тевкелева башкиром Рубеком, оставили Яицкий городок, догнав в пути ранее уехавшего с командой Чемодурова.

По прибытии в Самару 13 октября Кэстль с радостью встретил своих земляков-англичан: капитана Эльтона³¹ и купца Хогга, а также немецкого хирурга Вахтлера и др. Через некоторое время он отбыл в Симбирск. Здесь, при первом свидании с Кириловым, 27 октября, Кэстль ознакомил начальника экспедиции с собранной им коллекцией природных богатств нового края, которую передал ему для отправки правительству. Среди различных образцов минералов и других достопримечательностей, собранных Кэстлем, находился благородный белого цвета камень весом 62 фунта, прозрачный зеленый камень величиной с грецкий орех, более темный, но менее твердый, чем смарагд (изумруд), необычайной красоты кусок агата, которому Кирилов тут же придал форму сердца, зеленая яшма, «равной которой в свете нет», и пр.

Получив от Кирилова письма отца, считавшего сына погибшим, Кэстль настойчиво просил уплаты жалованья не частями, а полностью, а также отпуска в Москву для свидания с отцом; добивался, наконец, обещанной командировки с названными «вещами и донесениями» в Петербург.

Кирилов, видимо, ценил Кэстля как действительно энергичного и исполнительного иностранца, и, боясь, что из отпуска он не вернется, просьбу его не удовлетворял, уговаривая озлобленного живописца запастись «милым терпением». Приезд брата, приглашенного Кэстлем, и передача через него в Петербург прошения об отзыве Кэстля туда не изменили положения дела.

Недоразумения с полицией в Симбирске, где, по выражению Кэстля, обращение с ним было «больше, чем татарское обхождение» и неприязненные отношения с административной экспедиции в Самаре, куда он возвратился из Симбирска, окончательно вывели из равновесия иностранца. Только

подчеркнул, что он, «готовый пожертвовать собою» в доказательство верности России, совершил важное путешествие вопреки воле оренбургского коменданта, давшего ему для этой цели только устные инструкции.

³¹ Джон Эльтон уже в начале 1733 г. изъявил желание поступить на русскую службу и тогда же получил от русского посла в Лондоне Кантемира паспорт (см. В. Н. Александренко. Указ. соч., стр. 107—108). В мае 1734 г. Эльтон значится в «росписи людей» Оренбургской экспедиции.

новый начальник Оренбургской комиссии, заменивший умершего от чихотки Кирилова (14 апреля 1737 г.) В. Н. Татищев восстановил репутацию нужного на службе англичанина.

Кэстль, взятый Татищевым «к себе в дом», высоко ценил ум своего нового «патрона», его познания в науках, в иностранных языках, которые тот, по словам иностранца, «в совершенстве понимал и сам изъясняться знал». Все это склонило Кэстля к решению заключить новый контракт на русскую службу, продолжавшуюся до октября 1737 г.³²

* * *

В составлении и окончательной обработке, а также публикации Дневника Кэстля не все ясно³³. Всестороннее изучение позволяет, однако, установить, что автор Дневника тщательно регистрировал ежедневные записи в особой тетради, которую всегда хранил при себе. В ней сосредоточен был тот «основной материал», из которого делались затем по мере надобности краткие или пространные извлечения для официальных лиц и учреждений.

Таково происхождение двух вариантов Журнала Кэстля, хранящихся и ныне в Архиве внешней политики России Министерства иностранных дел СССР³⁴. Один из этих вариантов³⁵, скрепленный подписью Кэстля в Симбирске и датированный 7 июня 1737 г., как и другой³⁶, шитый рядом с первым, находятся в одном и том же «деле», не имеющем в себе никаких коммента-

³² «Материалы для истории Академии наук», СПб., 1886, т. III, стр. 501, 521, 547.

³³ По прибытии в Уфу 5 августа Кэстль изложил все необходимое о своем путешествии в Журнале, отданном якобы в «Оренбургскую канцелярию». В Дневнике Кэстль добавлял, что «основной материал» того журнала соответствует «этому сочинению» (т. е. настоящему Дневнику.— П. М.), «отличающемуся более понятным стилем и некоторыми подробностями». Тут же говорилось о том, что Кэстль передал Кирилову «написанный карандашом журнал» с рапортом при нем о своем путешествии (см. Journal, стр. 64—65). Из Дневника известно также, что какой-то «башкирский журнал» с относящимися к нему рисунками Кэстля оказался украденным из квартиры в Симбирске при безуспешной попытке англичанина уехать 18 июня 1737 г. в Петербург (см. там же, стр. 103 и др.).

³⁴ АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», 1736, д. 3.

³⁵ Journal der 1736 von Orenburg nach dem Abul-Geier Chan der Kirgis-Kaysacken Horde aus freyem Willen des Reiches Besten höchst nöthig unternommenen Reise glücklich abgetragen durch Iohann Castel bey der Kaiserl. Orenburgischen neuen Colonie... Kunstmaler (там же, лл. 1—18).

³⁶ Journal der 1736 von Orenburg nach dem Abul-Geier Chan der Kirgis-Kaysacken Horde aus freyem Willen zu des Reiches Besten hoch nöthig unternommenen Reise glücklich abgetragen durch Iohann Castel Kunstmaler bey der Orenburgischen Expedition (там же, лл. 19—39).

рующих записей или заметок. Эти варианты Журнала представляют собой не настоящий опубликованный в 1784 г. Дневник, как ошибочно полагал исследователь³⁷, а краткие выдержки из него, первоначально воспроизведенные в основном Дневнике в виде справки о путешествии к хану Абулхаиру³⁸.

Дневник Кэстля состоит из трех частей. Первая часть содержит записи путешественника с 14 июня по 5 июля 1736 г., т. е. за время его отправления из Оренбурга и пребывания у хана Абулхаира, а также возвращения оттуда в Уфу³⁹. Вторая — заключает в себе упомянутое краткое описание путешествия в Младший жуз⁴⁰. Третья — продолжение Дневника с 12 августа 1736 г. по 13 марта 1737 г., т. е. записи о новом пребывании Кэстля в Оренбурге, Яицком городке, Самаре и Симбирске⁴¹.

Дневник заканчивается «Прибавлением», состоящим, в свою очередь, из трех разделов. В первом из них описываются, «по словам казахов» и наблюдениям автора, приroda (фауна и флора), производительные силы страны⁴²; во втором — обычаи и нравы казахского народа⁴³; в третьем — повествуется о том, «кем и как управляется казахская нация во время мира и войны»⁴⁴. Издатели Дневника, как говорилось выше, снабдили книгу указателем важнейших имен и предметов, встречающихся в нем, и 13 гравюрами с зарисовок Кэстля⁴⁵.

Когда же оформлен Дневник в том виде, в каком он опубликован в 1784 г.? Отсутствие данных для ответа позволяет делать лишь предположения.

³⁷ Впервые обнаружил варианты Журнала Кэстля в фонде «Киргиз-кайсацких дел» Архива министерства иностранных дел Н. Попов, давший Журналу краткую аннотацию и ошибочно считавший варианты Журнала тождественными с Дневником 1784 г. (см. Н. Попов. В. Н. Татищев и его время. СПб., 1861, прим., стр. 187—188).

³⁸ *Journal*, стр. 65—70. Вероятно, об одном из этих вариантов Журнала говорится в указателе к Дневнику, что он должен соответствовать (*correspondieren*) находящемуся в Оренбургской канцелярии Журналу, очевидно, отправленному впоследствии в Иностранную коллегию.

³⁹ Там же, стр. 3—65.

⁴⁰ Там же, стр. 65—70.

⁴¹ Там же, стр. 70—110.

⁴² Там же, стр. 110—120.

⁴³ Там же, стр. 121—140.

⁴⁴ Там же, стр. 141—144.

⁴⁵ На первой гравюре изображены: султан Эралы, бухарский ахун и главный слуга султана Кудер батыр в полном вооружении. На второй — ночное колдовство по случаю приезда Кэстля. Изображены автор Дневника с двумя переводчиками, хозяева юрты. На третьей — аудиенция Кэстля у хана Абулхаира. На четвертой — аудиенция Кэстля у ханши, которой он передает подарки. На пятой — гадание для определения правильности избранного путешественниками пути. На шестой — переправа Кэстля, привязанного к хвосту лошади, через озеро. На седьмой — вид Оренбурга (Орска) на р. Ори. На восьмой — вид

Работая по контрактам в Оренбургской экспедиции, Кэстль не получал своевременно жалованья и жил, как неоднократно пишется, «в величайшей нужде»⁴⁶, чувствовал себя в приниженном положении. Он без конца добивался у Кирилова поощрений и возмещения понесенных расходов; надеялся, что Кирилов доложит правительству о его «бескорыстных» трудах, полезных России, что правительство одобрит его путешествие «на свой счет» в Младший жуз, оценит его находки минералов и за все это соответственно вознаградит⁴⁷. Но поскольку Кирилов не считал нужным ставить иностранца в преимущественное положение перед другими и тем более ходатайствовать о нем перед правительством, Кэстль решился действовать независимо от своего патрона. Как сказано выше, в декабре 1736 г. он выписал из Москвы к себе в Самару (здесь находилась канцелярия Оренбургской экспедиции) родного брата, через которого передал 5 февраля 1737 г. на имя императрицы «прошение». Кэстль просил правительство отозвать его из экспедиции в Петербург «с сысканным камнем» для личного объяснения и для сообщения о всяких других разведанных им «прибыточных вещах»⁴⁸.

Не удовлетворяя просьбу Кэстля, Кабинет министров 13 февраля предложил Кирилову доставить «камень калцедон» в Петербург с «обстоятельным доношением»⁴⁹. Выполнив распоряжение, Кирилов, видимо, сообщил в Кабинет и о назойливых домогательствах англичанина⁵⁰. Оттуда советовали не церемониться с живописцем и поступать с ним по собственному усмотрению⁵¹. Несколько позднее (30 июня) Оренбургскую канцелярию уведомили, что «по

г. Самары. На девятой — дикие козы. На десятой — приветствие казахов. На одиннадцатой — супруга хана. На двенадцатой — перекочевка казахской семьи. На тринадцатой — портрет хана Абулхаира.

⁴⁶ *Journal*, стр. 103.

⁴⁷ Кэстль не раз указывал, что он явился к хану Абулхаиру, «не хвалясь», в подходящее время и тем самым «помешал совершиться союзу всех орд с башкирами» (см. *Journal*, стр. 45).

⁴⁸ В прошении Кэстль объяснял, что со времени поступления на службу в Оренбургскую экспедицию он в интересах государства «искусство свое, рачение и труд прилагал»; совершил «с немалым страхом и... трудом» к казахскому хану путешествие, чтобы «о нравах... и о состоянии той земли уведомитца». В результате разведал будто бы, что в Казахстане во множестве обретаются «самодрагоценные всяких сортов каменья», от которых «великий прибыток сыскать можно», доказательством чего является найденный им у истоков р. Ори камень «калцедон» весом в 60 фунтов (ЦГИАЛ, ф. 1329, д. «Именные высочайшие указы», 1737, кн. 89, лл. 150—151об.).

⁴⁹ Там же, л. 149об.

⁵⁰ ГАОО, ф. 2, д. 9, лл. 20—21.

⁵¹ 24 апреля Кабинет рекомендовал Кирилову решительнее говорить с «сыскателем» камня и «прямо спросить его, хочет

пробе» в генерал-берг-директории присланный из Оренбургской экспедиции камень — не что иное как колчедан, и, кроме горючей серы, «ничего не содержит» в себе⁵².

Тем временем Кэстль возобновил в Самаре контракт с новым правителем Оренбургского края и, получив отставку в октябре 1737 г., переселился, очевидно, в Петербург. И здесь, самостоятельно или с помощью других, окончательно обрабатывал Дневник, не скрывая своих надежд на денежное вознаграждение от правительства. Обработка Дневника была закончена, вероятнее всего, в 1741 г.⁵³

Дальнейшая судьба Дневника и его автора неизвестна. Рижские издатели «*Materialien*» и *Journal* сообщают, что оригинал Дневника находился среди рукописей местной герцогской библиотеки⁵⁴ и впервые публикуется ими.

* * *

Природа Младшего жуза, которую Кэстль подробно описал⁵⁵, представилась путешественнику, как безграничная пустыня, изобилующая множеством диких и ручных животных и птиц, речками и озерами, богатыми рыбой и дичью. Кэстль заметил, что казахские лошади (персидской породы) очень выносливы, быстры и удобны для верховой езды; овцы — с большими курдюками (*kurduk*) весом 20—30 фунтов⁵⁶. По его свидетельству, мясо казахских овец по своему качеству намного превосходит английское и всякое другое овечье мясо. Немало места уделяет Кэстль описанию подземных и наземных богатств степи, ее дремлющих производительных сил. Он видел огромные залежи озерной и каменной соли, а также селитры.

Хотя казахи, как замечает Кэстль, «и не расположены исследовать блага природы и другим не хотят говорить» о них⁵⁷, все

ли он в службе нашей остаться, или нет. Ежели хочет и он вам надобен, то можете ево употребить; ежели ненадобен, то опустить, а здесь ему и оный камень отдан будет» (ЦГИАЛ, ф. 1329, кн. 89, л. 410).

⁵² Там же, л. 421об.

⁵³ Помета на оборотной стороне титульной страницы Дневника (St. Petersburg Ao 1741) уточняет эту дату. Об этом говорит отчасти и то возвышенное посвящение труда «всесветлейшему императору» Ивану III (Антоновичу) и панегирик «русским монархам». Здесь же, в посвящении, Кэстль сетует на деятелей Оренбургской экспедиции, не доложивших до сего времени правительству о нем («о моей персоне»), совершившем якобы большой труд «к пользе государства... исключительно за свой счет, без чьей-либо помощи».

⁵⁴ «*Materialien*», ч. II, стр. V

⁵⁵ *Journal*, стр. 110—121.

⁵⁶ Аналогичные сведения о породе казахских овец имеются у П. С. Палласа (см. П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. II, СПб., 1773, стр. 582).

⁵⁷ В то же время сам хан, по записи Кэстля (при перекочевке аулов с одного места на другое), показал ему гору, в ко-

же ему удалось разведать возможности добычи здесь железа, меди, золота, серебра, яшмы, порфира, агата и других драгоценных камней и минералов. Кэстля особенно удивил «фигурный мрамор», показавшийся ему ценнее флорентийского. Он сожалел, что имел при себе «только одну шпагу и пять пальцев» и потому не мог исследовать, что именно таят в себе недра казахской земли. Он встречал на своем пути богатые месторождения асбеста, в горах предполагал наличие ртути и самородного свинца; казахи показывали ему самодельные свинцовые пули. Видел он в большом количестве витриоль (купорос), квасцы и редкий вид земляной смолы (асфальт), напоминающей черный янтарь.

Общественную жизнь казахов путешественник пристально не наблюдал и поэтому говорит о ней мимоходом.

Кэстлю рассказали, что казахи делятся на три орды, возглавляемые ханами. Хан Старшего жуза — Жолбарс (*Scholbars*) находится в Ташкенте; хан Среднего жуза — Шемяка (*Schemiaka*) — в Туркестане; хан Младшего жуза — Абулхаир (*Abul-Geier*) имеет свое пребывание у Аральского моря. Все ханы независимы, и «ни один из них, — записал Кэстль, — не может приказывать другому», хотя в то же время они «поддерживают между собою дружбу»⁵⁸.

Зная о других ханах понаслышке, путешественник все внимание сосредоточил на Абулхаире, он описал внешность его и нарисовал портрет. Явно идеализируя Абулхаира, Кэстль утверждал, что ни один богатырь из его народа не мог так крепко, как он, натянуть лук. Кэстль полагает, что имя хана представляет собой, скорее, титул. Он не сумел разобраться в этом вопросе — известно полное имя хана: Абул-

торой можно добывать не только золото, но и драгоценные камни. На ней можно было бы возвести при помощи России оборонительную крепость для него (см. *Journal*, стр. 21).

⁵⁸ Сведения Кэстля о принадлежности среднеазиатских городов казахским ханам в бытность его в орде весьма сомнительны. Посланцы хана Абулхаира к русскому правительству Кутлумбет бей и Сеиткул батыр 21 октября 1730 г. говорили в Коллегии иностранных дел о том, что казахам принадлежит Ташкент с 40 тыс. дворов, Туркестан и Сайрам с 32 тыс. дворов (АВПР, ф. «Киргиз-кайсацкие дела», дело 6/№, 1730—1731 гг., лл. 31, 68—69). Эти сообщения казахских послов считались нужным опровергнуть тогда же бухарский посланник Едигер, заявивший, что ныне Ташкент, Туркестан и Сайрам находятся под властью бухарского хана (там же, л. 72). Исследователи указывают, что видный казахский батыр Букенбай в 1732 г. в разговоре с русским послом Тевкелевым, прибывшим в Младший жуз, мог только вспоминать о том, как казахские ханы некогда владели указанными городами и брали дань с узбеков до вытеснения их оттуда джунгарами около 1725 г. (см. Н. Г. Аполлова. Указ. соч., стр. 83, 178).

хаир Мухаммет Газы багадур хан⁵⁹. Кэстлю известно, что до ханства Абулхаир был султаном и только после войны с джунгарами был избран ханом⁶⁰. Таким образом, и в этом источнике точная дата избрания на ханство Абулхаира не установлена. В представлениях народа, как рассказывает Кэстль, Абулхаир велик, как Тамерлан; командует 40 тыс. людей, способных носить оружие. Тем не менее власть его «ни в коем случае не суверенна». Без согласия старшин он ничего не проводил⁶¹. Зато в суде прерогатива хана неограниченна. Здесь он — «высочайшая персона», хотя и не имеет более двух голосов⁶². Кэстль был свидетелем сурового ханского суда. По решению хана казаха, похитившего в другом жузе 40 кобыл, «отколотили саблями» и присудили тотчас возвратить украденное⁶³.

По сведениям Кэстля, казахским ханством управляют и старшины. Среди них имеются мурзы, или князья, беи (бии), или дворяне и батыры (baturs). Давая лаконическую характеристику классовой структуры казахского общества, Кэстль справедливо отметил, что нередко батыры, или герои «скотом много богаче, чем сам хан»⁶⁴.

Абулхаир явно намекал Кэстлю на прочность своей ханской власти. Он был убежден, что содействие России в усилении его власти позволило бы крепче держать в руках подвластных ему людей и не давать им «слишком много свободы». Более того, при этом условии, как полагал хан, «и бухарцы, и хивинцы скорее подчинились бы России»⁶⁵.

В разговоре с Кэстлем хан сетовал на обстоятельства, в силу которых «он не бо-

гат», к тому же из своих средств он должен вознаграждать недовольных, чтобы держать их «в мире и спокойствии»⁶⁶. По рассказам Кэстля, хан получает доходов «чрезвычайно мало». Разделяя их с другими, чтобы удержать «в хорошем настроении» негодующих, хан якобы влачит скудную жизнь⁶⁷. Совершенно очевидно здесь выступает стремление хана сгустить краски в надежде, что Кэстль, выполняя функции русского посла, доведет до сведения царской администрации о бедственном положении хана.

Кэстль видел у казахов много русских невольников. К нему явилась однажды двадцатилетняя девушка с просьбой избавить ее от плена. Это была дочь кузнеца из Яицкого городка, томившаяся в неволе десять лет и забывшая родной язык⁶⁸.

Отправляясь в обратный путь, Кэстль был свидетелем насилий ханского есаула Килбека над казахами; Килбек так нагло требовал съестных припасов на дорогу Кэстлю и его спутникам, что жители вынуждены были его прогнать⁶⁹.

Кэстль посетил хана Абулхаира в то время, когда казахская знать и рядовые казахи находились под свежим впечатлением оформившегося в 1734 г. в Петербурге добровольного подданства казахского народа. Казахи считали, что вопрос о верности России не мог быть праздным для прибывшего «русского посла». Это хорошо понимали прогрессивные деятели казахского народа, инициаторы перехода в Российское подданство. Вот почему в Дневнике Кэстля вопросы о подданстве и верности России со стороны казахов фиксируются много раз.

Характерно описание устроенного ханом большого пира, на который собралось не менее 500 человек; в числе их были крупные представители знати трех жузов. Пиршество началось с молитвы. Присутствовавшие, как передает Кэстль, «просили у бога помощи в их намерении навсегда оставаться верными» России. Перечень имен поборников подданства, приведенный в Дневнике Кэстля⁷⁰, дополняет сложившиеся в научной литературе представления о крепнувшей в казахских жузах ориентации на Россию.

что все центральные и местные архивы «наполнены жалобами ханов... на неповиновение подвластных им и на собственное бессилие» (см. А. Левшин. Указ. соч., ч. III, стр. 166).

⁶⁶ Journal, стр. 41. Установлено, что казахские ханы должны были в силу патриархального обычая, действительно, делиться своими доходами с родовой знатью (см. Н. Г. Аполлова. Указ. соч., стр. 64).

⁶⁷ Journal, стр. 143.

⁶⁸ Чтобы не возбудить против себя неприязни, Кэстль осторожно рассказал девушке приметы пути на родину. Через год она приехала в Оренбург, где вскоре вышла замуж за сержанта Пензенского полка (см. Journal, стр. 14).

⁶⁹ Там же, стр. 44.

⁷⁰ Там же, стр. 21, 33—34.

⁵⁹ См. Н. Г. Аполлова. Указ. соч., стр. 99.

⁶⁰ Сведения о хане Абулхаире Кэстль, по-видимому, получил от ближайших к хану лиц, султанов и старшин.

⁶¹ В политическом строе Младшего жуза в течение XVIII в. еще держались пережитки военно-старшинской демократии. Все современники единодушны в оценке характера ханской власти. Кирилов в своем «Изъяснении» 1734 г. писал, что казахская орда «никому не подвластная, многонародная и военная», что во всех ордах «не столько ханы власти имеют, сколько их старшины» (см. I ПСЗ, т. IX, № 6751, стр. 309).

⁶² Journal, стр. 143.

⁶³ Там же, стр. 30. Кэстль не сообщает, в каком размере взят был «ханлык» за судебное разбирательство. Видимо, в данном случае дело обошлось без него.

⁶⁴ Journal, стр. 143. На важное значение совета старшин при хане в 30-х годах XVIII в. указывал А. И. Тевкелев, прямо заявивший о том, что «хан без совета старшин ничего не повинен чинить» (см. Н. Г. Аполлова. Указ. соч., стр. 104).

⁶⁵ Провожая Кэстля со старшим сыном, хан признался, что он «охотно бы имел жилище в Оренбурге», готов отдать в русскую службу своих трех сыновей и выразил желание получить портрет императрицы (см. Journal, стр. 40). Исследователь указывает,

Путешественник замечает, что кочевое скотоводство и кочевой образ жизни настолько сказались на нравах и обычаях казахов, что иностранец самую казахскую народность наименовал «меркуриальной нацией»⁷¹. Он утверждает, что казахи ничего не знают о сенокосении, вовсе не думают о заготовке корма для скота; поэтому кочевка и перекочевка в их хозяйстве — первейшая необходимость.

Кочуют казахи в одном и том же направлении: весной со всем своим скотом они передвигаются по направлению к России, до Оренбурга; осенью и зимой, одновременно с перелетом диких гусей, возвращаются к Аральскому морю. Кэстль видел в перекочевке казахов только праздничное шествие, причем наблюдал перекочевку главным образом богатых семей, кочевавших с многочисленными стадами под надзором конных и пеших пастухов. Кэстль повествует: в длительном передвижении всего жуза совершает «свое особое шествие» каждая богатая и бедная семья, для которой перекочевка с одного места на другое — своеобразный праздник. Впереди обычно едет самая красивая девушка на лучшей лошади, в нарядной одежде, в высокой шапке с бубенчиком, украшенной серебряной проволокой и красным гусиным пером. За девушкой следует верблюд с коврами и домашней утварью, за ним другой верблюд с юртами и прочими домашними предметами, а также с детьми. Маленьких детей сажают в корзины, равномерно развешанные на горбу верблюда с обеих сторон. Тут же усаживается девочка 12—13 лет, которая следит за детьми и кормит их овечьим молоком и мясом. Движение замыкают лошади и овцы с одним конным и пешими пастухами. Весело едет караван. Молодежь поет и играет на трубах (Fib-ten).

В действительности перекочевки были для широких масс далеко не всегда такими праздничными и веселыми, как рисует их Кэстль и некоторые русские путешественники XVIII в. Как показывают материалы обычного права и другие источники, перекочевки нередко сопровождались острыми спорами из-за стоянок, пастбищ и водопоев, причем в этих спорах всегда выигрывал бай или бий (феодал). Известно, что перекочевки казахов в направлении Оренбурга были стеснены. Хан Абулханр жаловался Кэстлю на оренбургского коменданта, запретившего кочевание дальше р. Ори под видом нуждемости своих трех конных полков в сенокосах⁷². В дальнейшем казахам было запрещено пользоваться зимовками на «внутренней (правой.— П. М.) стороне» Яника.

Кэстль верно подметил, что у казахов трудолюбием отличаются женщины и девушки. Они выделывают войлок, обрабатывают кожи и меха, из сухожилий делают нитки, шьют одежду и пр. Мужчины в свободное время изготавливают седла и хорошего качества порох из селитры. Холст, ситец, бархат, шелк, сапоги, железную и мед-

ную посуду, выделанную кожу, юфты и пр. приобретают на бухарских и русских рынках путем обмена на скот и шкуры⁷³, так как деньги казахам неизвестны⁷⁴. В большом количестве готовится кумыс и овечий сыр. Чтобы не пить холодной воды в пути, казахи возят с собой овечий сыр (крут), кладут его во флягу, сделанную из лошадиной кожи, и наполняют ее питьевой водой. Сыр в воде растворяется, отчего получается освежающий, утоляющий жажду и в то же время питательный напиток⁷⁵. Данные Кэстля свидетельствуют о неразвитости у казахов производительного (индивидуального и общественного) труда⁷⁶.

Кэстль отмечает, что просвещение и наука также не получили никакого развития в стране. Кроме абызов, никто не умеет ни читать, ни писать. Наряду с предрассудками и суевериями, принимающимися за истину и науку, в народе глубоко укоренились различные гадания и колдовство. Гаданиями занимались преимущественно муллы. В юрте знатного старшины Тунайши, где первоначально остановился Кэстль, дан был в честь него обед, сопровождавшийся гаданием⁷⁷.

Кэстль, как иностранец и живописец, интересовался внешним обликом казахов, их физическими особенностями. В этом направлении он сделал такие наблюдения. Казахи обычно среднего роста. У всех без исключения черные волосы, необычайно зоркие глаза, далеко превосходящие глаза всякого европейца, даже вооруженного зрительными трубками. Слух у них гораздо лучше, чем у европейцев, зубы, как прекрасная слоновая кость. Казахи сильные и крепкие, а по характеру своему умные, подозрительные и недоверчивые. Впрочем, при искреннем общении с ними они верны, прямодушны, не грубы и не жестоки⁷⁸. Все казахи ездят с детства верхом и не привычны ходить⁷⁹.

Домашняя и семейная жизнь казахов⁸⁰ известна Кэстлю частично. У знатных и богатых казахов по три-пять жен, смотря по средствам владельца, могущего уплатить калым. Пока не уплачен полностью калым, невеста остается в доме родителей⁸¹. У ка-

⁷³ Там же, стр. 133.

⁷⁴ Там же, стр. 125.

⁷⁵ Там же, стр. 48.

⁷⁶ Видя, как на приеме у ханши присутствовавшие ели мелко изрезанное мясо, беря его по 1—2 фунта сразу, иностранец свое удивление выразил следующим афоризмом: «Очевидно по еде можно судить о проворстве человека». (См. там же, стр. 28.)

⁷⁷ Journal, стр. 12—13.

⁷⁸ Там же, стр. 120—123.

⁷⁹ Эти черты казахской народности отмечают и русские ученые XVIII в., в том числе И. П. Фальк (см. I. P. Falk. Beiträge zur topographischen Kenntnis des Russischen Reiches. St. Pet., 1786, ч. III, стр. 510 и др.).

⁸⁰ Journal, стр. 124—127.

⁸¹ Кэстлю рассказали, что будто с 24 июня 1736 г. хан установил новый калым в размере от 20—30 (как было) до 50—60 и больше кобыл, в зависимости от красоты девушки (там же, стр. 125).

⁷¹ Journal, стр. 119.

⁷² Journal, стр. 36.

захов не первая жена считается старшей в доме, а та из них, у которой родится первый сын. Кэстль заметил, в каком рабском положении находились у казахов жены. На них лежали все обязанности по хозяйству, даже седлание коня для хозяина-мужа.

Казахи, по свидетельству Кэстля, отличаются гостеприимством. Русского посла не раз приглашали к себе знатные старшины, угощали его бараниной и кумысом. На обратном пути один из представителей духовенства обещал угостить его «русским кушаньем», оказавшимся подсоленным бишбармаком⁸².

Казахи очень любили принимать подарки и с своей стороны также одаривали гостей, чем могли. Будучи в степи, Кэстль дарил иголки, ножи, зеркала, свои зарисовки. В день отъезда хан подарил Кэстлю 30 корсаков, 6 лисьих шкур и своего лучшего коня⁸³. Любимец хана батыр Теберда преподнес Кэстлю 9 волчьих шкур⁸⁴. Когда разнесся слух, что посол скоро уезжает, явился молодой казах, которого, как выяснилось, в бытность свою у башкир в марте 1736 г. Кэстль освободил из плена. Казах принес в подарок русскому послу мешок сухого овечьего сыра (крута) и готовальню, которую он принял за русский столовый прибор. Готовальня досталась ему в числе вещей, захваченных в караване полковника Гарбера⁸⁵.

Кэстль интересовался и одеждой казахов, стараясь заметить различные части мужского и женского платья, дать описание богатого одеяния казахской знати и одежды бедняков. Но эти сведения не дают полного представления об одежде казахов в прошлом.

Нотгельмными элементами быта казахов являлись: охота, скачки, игры, музыка и песни. По дороге в гости к батыру Теберде хан развлекал Кэстля охотой на диких коз и диких лошадей при помощи беркутов. На обеде у Теберды играли на «балалайках». После большого пиршества у хана состоялись конские скачки. Победитель должен был получить назначенный ханом приз — дорогую одежду⁸⁶.

Песни поют все казахи. Во время угощений на пирах и торжествах исполняются обычно героические песни, восхваляющие батыров, их удачные походы, героическую смерть.

Оборона или нападение у казахов не являлись всенародным делом. В походах участвуют мужчины и, в первую очередь, молодежь. На войне казахи стараются окружить неприятеля и, когда нужно, спешившись, они «ползут» к нему, как при ловле

животных, при этом метко стреляют⁸⁷. На войне молодежь обычно командуют старшины, выполняя приказы хана. Символом единства и равенства войска были знамена, привязанные к пикам или древкам⁸⁸.

Наиболее подробно Кэстль наблюдал жизнь в ханской ставке. Первая встреча с ханом (21 июня 1736 г.) требовала соблюдения установленного обычая, которого Кэстль вовсе не знал⁸⁹.

Кэстль рассказал хану, как он познакомился в Оренбурге с его сыном Эралы, сообщил о здоровье султана, о желании Кирилова знать нужды хана. Абулхаир благодарил Кэстля за сообщение о сыне, выразил «сердечную радость» видеть в Кэстле «русского посла», с прибытием которого он якобы легче сможет развеять слухи об оставлении русскими Оренбурга и запретить всякие связи своим людям с башкирским мятежником Килмяком. Удовлетворенный, кроме того, рассказами посла о внешнеполитических успехах России, хан собственноручно угостил Кэстля бараниной и кумысом. Визит длился три часа и по окончании хан прикоснулся правой рукой к правому плечу Кэстля⁹⁰. Уходящего посла сопровождала ханская свита из 20 человек при участии многочисленных зрителей, приветствовавших Кэстля прикосновением своих рук к его одежде (отчего она была испачкана и даже изорвана)⁹¹.

Вечером 24 июня, после перехода на новое место, хан дал Кэстлю аудиенцию у ханши с целью показать, «как хан ест со своими женами». Юрта ханши была устлана тонким персидским ковром. Хан сидел на

⁸⁷ Там же, стр. 133. Меткость ружейной стрельбы у спешенных казахов, о которой говорит Кэстль, достигалась скорее всего штативной рогаткой, приделанной к середине ружья (И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб., 1799, ч. II, стр. 125).

⁸⁸ Journal, стр. 143.

⁸⁹ Перед визитом хан посылал время от времени в палатку посла своих слуг, освещавшихся о здоровье посла. Они приносили с собой кусочки конины, которой Кэстль угощал присутствовавших, кладя ее собственноручно в рот каждого. Но вот при большом стечении народа служитель хана Байбек с другим казахом взяли под руки Кэстля и повели. За десять шагов до юрты хана они остановились; поставив пять минут, подвели его ближе, на шесть шагов, ожидая пока от хана не вернется слуга; наконец, Кэстля, поставленного перед дверью ханской юрты, легким пинком толкнули в юрту, где Кэстль увидел одетого в полосатый халат хана. Вокруг него сидели его брат султан Нияз, два сына и много старшин. Очутившись в ханской юрте, Кэстль снял шляпу и, приветствуя хана и присутствовавших «троекратным реверансом по французскому способу», снова надел шляпу и сел (Там же, стр. 17—18).

⁹⁰ По ханским обычаям это означало нечто вроде благословения (см. И. Георги, Указ. соч., ч. II, стр. 136).

⁹¹ Journal, стр. 17—20.

⁸² Journal, стр. 43.

⁸³ Там же, стр. 42.

⁸⁴ Там же, стр. 43.

⁸⁵ Там же, стр. 37—38. Полковник артиллерии Гарбер был отправлен с караваном из Астрахани в Хиву в феврале 1732 г., но ограбленный в степи за Янком, возвратился, не достигнув цели (см. С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Пгр., 1915, стр. 69).

⁸⁶ Там же, стр. 21.

подушке из бухарского бархата; над ним возвышался балдахин из трехцветного (красно-желто-белого) флера. Слева от хана за квадратной занавеской такого же флера сидели его три жены. Старшая жена была в красном шелковом одеянии с узором из золотых цветов; на голове высокий убор наподобие турецкого, вышитый золотом. Две другие супруги хана были в красных бархатных одеждах; головы у них были украшены белой ситцевой повязкой (длиной 20 аршин); на ногах сапоги из очень тонкого шагрены.

С наружной стороны занавеса сидела калмыцкая девушка, игравшая на бандуре (Bandoir) русские песни. Перед ханом сидел старик с юношей. Первый играл на турецкой балаалайке, а второй на двухструнной ногайской скрипке. В трех шагах от хана расположились его старшины. Посредине юрты стоял деревянный сосуд с кумысом вместимостью в четыре ведра.

Предупредив вошедшего Кэстля, что он должен быть веселым, хан посадил его возле себя и угостил кумысом. После этого Кэстль вручил свои подарки⁹², из которых больше всего понравился хану портрет султана Эралы. Продолжительный и непринужденный разговор во время ужина закончился общим сожалением, что Кэстль не знает казахского языка. Желая окончательно завоевать расположение собравшегося общества, живописец напоследок решил написать красками портрет Абулхаира. Только в полночь хан отпустил Кэстля в его палатку⁹³.

За время своего пребывания в жузе Кэстль подвизался и в качестве лекаря. Он вылечил больные глаза у знатного Гудербая, юрта которого радушно встретила иностранца⁹⁴.

Сведения Кэстля проливают некоторый свет на вопрос о старейших русских поселениях на юго-востоке, возникших задолго до образования Оренбургского края. Так, уже в 1736 г. городок Сакмарск имел казачье управление, церковь и около 150 домов⁹⁵. Кэстль делает зарисовку и описание

⁹² Это были: написанный Кэстлем портрет султана Эралы; расцвеченное золотом покрывало для молитвы; серебряная коробка, наполненная бальзамом; кошелек, окаймленный золотом, с зажигательным стеклом и с тысячью иголок для шитья; четыре пары английских ножей и четыре зеркала (см. там же, стр. 25—26).

⁹³ Там же, стр. 27—30.

⁹⁴ Лечение в этом случае производилось путем вдвухания порошка *Sachari Canariensis* (канарский тростниковый сахар); в другом случае приостановил больному кровь золой из конского навоза.

⁹⁵ *Journal*, стр. 57. П. И. Рычков считал, что Сакмарский казачий городок заселен лет за 30 до основания Оренбурга (Орска) «охотниками» из яицких казаков. В 70-х годах XVIII в. в нем было казаков из русских 200 и из «иноверцев» 50, занимавшихся земледелием, доставкой на заводы медных руд и илецкой соли на продажу и на пристани. (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, рукописный отдел, «Лекси-

г. Оренбурга (Орска)⁹⁶, упоминает о городке Озерном, о деревянном домике беглых раскольников у устья р. Сакмары со многими стогами сена, о следах разрушенного здесь старого «башкирского» города Сакмарска, отстоявшего якобы на 30 верст от нового⁹⁷. Любопытны заметки о местности по р. Илеку (в трехдневном переходе от Яика), где есть «неиссякаемый источник» каменной соли «чрезвычайной доброты»⁹⁸, а также о Яицком городке, расположенном на полуострове с башнями, бастионами и большим количеством пушек. Жители городка по своему происхождению донские казаки, число которых достигает 3500. Живут они казачьим бытом, в пустыне, «без малейшего земледелия»; питаются рыбой и икрой. Делают здесь по преимуществу пресованную икру и часто увозят ее на продажу не только в русские города, но и в такие страны, как Италия и Германия⁹⁹.

Кэстль обнаружил некоторый интерес и к памятникам исторического прошлого нового края. Он с любопытством рассматривал встречавшиеся остатки старины в Младшем жузе, в частности развалины древнего «монгольского» города Рудера, о котором много говорили ему казахи по пути к Абулхаиру¹⁰⁰. На обратном пути в районе рек Каргалы и Илека Кэстль видел много могил «язычников», одну из которых он раскопал. В могиле были найдены кости лошади и человека; на шее у человека была обнаружена печать из белого индийского агата, на которой вырезаны пеликан и два птенца¹⁰¹. У г. Сакмарска Кэстль снова видел много могильных «монгольских» памятников. У могил стояли камни в виде пирамид, а внутри их были погребены в полном убранстве люди с лошадьми¹⁰².

* * *

Каков бы ни был сам по себе Дневник, автором его, как видно из всего, руководил не научный интерес, а политический, денежный расчет.

Путешествие Кэстля в казахский Младший жуз не экспромт. Оно было обдуманно заранее, до прибытия гонцов Абулхаира. Невозможно ведь одновременно принимать послы хана по поручению коменданта, писать портрет султана, готовить подарки, лекарства, карту и компас, успеть собрать-ся и отправиться в путь.

Сам повод для путешествия (отклонить казахов от соединения с восставшими башкирами), известный в интерпретации одно-

кон» П. И. Рыčkова, ч. II, № М., 2931, лл. 57—58). Другие относят основание Сакмарска сибирскими беглецами к 1719 г., а занятие его яицкими казаками к 1727 г. (см. С. Зыков. Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сыр-Дарье с 1847 по 1862 год. «Морской сборник», СПб., 1862, № 6, стр. 297).

⁹⁶ *Journal*, стр. 75.

⁹⁷ Там же, стр. 82—83.

⁹⁸ Там же, стр. 87.

⁹⁹ Там же, стр. 88—91.

¹⁰⁰ Там же, стр. 6.

¹⁰¹ Там же, стр. 46—47.

¹⁰² Там же, стр. 57.

го Кэстля,— весьма сомнительного свойства. Вполне допустимый и с виду очень важный, этот повод не был, оказывается, вовсе предметом обсуждения «русского посла» с Абулхаиром. Во всяком случае Дневник ни словом не упоминает о русско-казахских и казахско-башкирских отношениях в связи с восстанием, принимавшим особенно широкие размеры как раз в 1736 г.¹⁰³ И по возвращении из степи Кэстль ничего не сказал об этих отношениях своему начальнику, как ничего не писал о них и в своем «Прощении» 1737 г. на имя императрицы.

Таким образом, повод для путешествия к Абулхаиру Кэстль, несомненно, фальсифицировал для большей легализации своего «подвига» и будущих притязаний на компенсацию, для превращения затем и своего Дневника в политический документ (в «общественное свидетельство» по его выражению), достойный всяческого одобрения и наград.

Но вся эта тенденциозность, как и обманутые надежды автора, не умаляют важного историко-этнографического значения Дневника. Если оставить в стороне некоторые предубеждения автора о полной дикости кочевников, его поверхностные наблюдения в части быта казахов, преувеличения

о маловероятных испытаниях в пути, искажения имен и фамилий и т. д., то Дневник Кэстля, при самых осмотрительных выводах, следует поставить на одно из первых мест в ряду источников нарративного порядка по истории и этнографии казахов XVIII в.

Дневник, прежде всего, проливает дополнительный свет на эпоху крутого и глубокого перелома в исторической жизни казахского народа, на добровольный переход его в Российское подданство. Дневник сообщает, хотя и отрывочно, без должной полноты, разнообразный фактический материал о производительных силах края, о материальной, духовной и семейной жизни казахов, о типических социально-бытовых чертах и особенностях казахского народа, об устроении, политических интересах правящей ханско-старшинской аристократии, о быте и нравах феодальной верхушки.

Действительная жизнь Младшего жуза, где побывал Кэстль, была, разумеется, много богаче, гораздо колоритнее, чем она изображена в Дневнике. Но и в таком виде, являясь, собственно, первым произведением в европейской мемуарной литературе о казахском народе, Дневник Джона Кэстля, с одной стороны, расширяет и уточняет наши знания о явлениях внутренней и внешней жизни казахов 30-х годов XVIII в., с другой — дает нам первые зарисовки (с натуры) казахского быта, как бы посредственно ни были они исполнены художником своего времени.

¹⁰³ Всего вероятнее, что посланцы Абулхаира и Джаныбека приезжали в Оренбург осведомиться о состоянии здоровья султана Эралы по поручению отца.

